

Михаил Всеволодович Анищенко г. Самара. Родился 09.11.1950г. Скончался 24.11.2012 г. Окончил Литературный институт им. М. Горького, лауреат Всесоюзной премии имени Николая Островского, лауреат международной премии «Золотое перо Руси». В ходе голосования на сайте Стихи.ру в 2012 году был удостоен звания «Народный поэт России». Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России.

БУРАТИНО

Вл. Денисову

Все, что пишется, — необратимо.
Хоть смолой заливайте уста:
Вниз башкою висит Буратино,
Как последний апостол Христа.

Ни Мальвины, ни денег, ни родин;
Ничего на земле, никого.
Но теперь он впервые свободен,
И Господь уже видит его.

Не внимайте стенаньям и вою,
Не тяните назад поводя
И повешенных вниз головою
Не снимайте с небес никогда.

Все, что пишется, — необратимо.
Не спешите казаться добром.
А иначе — все та же Мальвина
И театр за грязным холстом.

Тот же дом, тот же самый порожек,
Никому не известный итог...
Но Толстой был великий безбожник
И не мог быть жестоким, как Бог.

Он снимает с небес Буратино,
Золотой отдает ему ключ.
И смеется от счастья Мальвина,
И вздыхает Господь между туч.

В зоне заклятого круга
Я объяснить не могу
Ненависть лучшего друга,
Теплые чувства к врагу.

Память проходит по венам,
Ночи проходят без сна.
Жизнь, словно явка с повинной,
Мне в наказание дана.

Господи, так не бывает,
Господи, что за туман?!
Поезд в Москву прибывает,
А за окном — Магадан.

Стынут в потемках солдаты,
Судьбы идут на излом;
Трижды забытые даты
Стянуты мертвым узлом.

Вот оно — место для казни,
Прежние трупы во рву...
Господи! Я ведь на праздник
Ехал с женою в Москву!

Что же напуган зевака,
Кто там стоит за спиной?..
Словно выходят из мрака
Люди, убитые мной.

Словно под яркие вспышки
Старый кондитер на торт
Лепит бараки и вышки,
Сопки и Ванинский порт.

Ваньки, Борисы и Кацы,
Баржи, могилы, кресты...
Воздух царапают пальцы,
Рвутся от ужаса рты.

И под тоской журавлиной
Длится в безвинной судьбе
Вечная явка с повинной
К Родине, к Богу, к себе.

ПИСАРЬ

Лопоухий, худой, он был очень похож на ребенка.
Деревенский учитель, теперь писаришка штабной,
Он два года писал на погибших солдат похоронки,
И любая из них обдавала его сединой.

День за днем проходил. С каждым днем прибавлялось убитых.
Оставаясь один, Он посмертные списки листал.
И ложились листы тяжело, как могильные плиты,
И себя самого он посредником смерти считал.

Он боялся солдат, понимая, что все они смертны,
Он за каждым лицом видел строчку в журнале своем,
Ту, которую он, может быть, вслед за боем рассветным
Зачеркнет навсегда затупившимся «вечным» пером.

Он смотрел, как идут в пропыленной шеренге сельчане,
Земляки — Михаил, Афанасий, Макар и Федот...
Как он плакал потом, как молился за них он ночами,
Как боялся узнать, что из боя не выйдет их взвод.

И короткие сны становились поистине бредом.
Снилось только одно: как в ночи окружают их взвод...
Вот упал лейтенант, не успев даже вскрикнуть, а следом
Земляки — Михаил, Афанасий, Макар и Федот.

Он кричал по ночам. И солдаты во сне матерились.
Он вставал и смотрел за три тыщи столбов верстовых
На село Вешняки, где потерянно окна светились,
Где его земляков ожидали увидеть живых.

И однажды, когда, над Россией дожди моросили,
А над Спасскою башней все ярче светила звезда,
Мозг его захандрил, напряженья войны не осилил,
Что-то вспыхнуло в нем и погасло потом навсегда.

И тот час же в глазах появился туман жутковатый,
Словно пыль на дорогах, которыми враг наступал...
Он в каптерку зашел, опустился на лавку как ватный,
Будто что-то припомнил, и стопку бумаги достал.

Рядом спали бойцы. Им детишки и женщины снились.
Оставалось недолго идти по войне напролом...
И не знали они, что за строки в каптерке ложились
На казенной бумаге под старым казенным пером.

Он писал и писал. И рука, что недавно дрожала,
Обрела над бумагой какой-то свободный полет...
Под рукою его молча рота в ночи погибала,
И они — Михаил, Афанасий, Макар и Федот.

Ледянящая ночь на работу безмолвно смотрела,
И взлетали ракеты, окошко каптерке рябя...
И к рассвету уже, завершая безумное дело,
Он спокойно заполнил такой же листок на себя.

С этой ночи уже сорок лет пролетело почти что.
Вновь в селе Вешняки возле клуба гармошка поет.
И растут как грибы, не выдавшие смерти мальчишки...
А в одном из домов поседевший безумец живет.

Он заходит в сельмаг, покупает бумагу устало,
Покупает чернила... и целую ночь напролет
Похоронки строчит, слыша скрежет огня и металла...
И заходит к нему — уцелевший на фронте — Федот.

Я воду ношу Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить всё трудней и трудней.
Но как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить её милой моей.
Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные ведра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.
Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу — до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.
А дальше — вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...
Но это ещё не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивлённо и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.

Половодье Склоны сопок оползли,
 В воду канули деревья.
 Пядь за пядью край земли
 Приближается к деревне.
 Поздно, милый, морщить лоб,
 Лодку старую латая. Это даже не потоп,
 Это ненависть святая.
 В небе грозно и светло.
 Напрочь срезана дорога.
 Позабыв про барахло,
 Люди вспомнили про Бога.
 И сосед мой в небеса
 Смотрит грустно, как калека...
 За такие вот глаза
 Бог и любит человека.

СОН В МЁРТВОЙ ДЕРЕВНЕ

Разомкнётся мой круг.
 И опять беспощадные пальцы
 Веки Вию подымут. Он выдохнет:
 — Вижу его! И почувствую я, что с земли мне уже не подняться,
 И увижу всю Русь, где уже моего — ничего...
 Ничего? Это бред!
 Это бред, что приподняты веки!
 Я подумаю так. Но за несколько жутких минут
 Пожелтеют леса. Вспять рванут почерневшие реки,
 И до пояса в землю забитые избы уйдут.
 И подумаю я: — Не страшусь, что приспела могила!
 Но, родная земля, за какие-такие грехи
 Душит так же, как раньше, в полях нас нечистая сила,
 Но уже не поют так, как раньше, твой петухи?
 И проснусь на лугу, где заря лебеду оросила,
 Где под каждой берёзой ключи ледяные журчат...
 Ну и сон увидал! Но всё ближе нечистая сила...
 О, родная земля, отчего петухи не кричат?

ПОМОРЫ

Между туч — архангела оконце, Вместо ливня — рыба чешуя.
Здесь живут архангелогородцы, Как листок из книги Бытия.
Испокон веков не выживают Здесь клопы, тарантулы и тля.
Здесь водою спирт не обижают, Словно лодки, глотки просмо-
ля. Здесь брала и славу и начало Родина отчаянных сердец.
Здесь столица севера стояла, Жаль, растаял этот Леденец.
Здесь любил созвездия и лодки Мой отец с глазами февраля.
От его окладистой походки До сих пор качается земля.
У простора — сердце от помора, У помора в помыслах простор.
Здесь душа гуляет без надзора И не пьет из ложечек кагор.

ПРОВОДНИК

Тихо тронется поезд — и, щёлкнув замком,
Проводник отойдёт от двери закопчённой,
И окатит заварку крутым кипятком,
И пойдёт по вагону, помятый и сонный.
На восток, на восток — По великой стране!
По большим городам, по большим захолюстьям
Он помчится в обычном своём полусне,
Неподвластный давно ни сомненьям, ни грусти.
Будут станции, «зайцы» и кучи рублей,
Будет веник и форма, удобная в носке,
Будет вянуть на столике Книга Рабле,
Позабывтая юношей, вышедшим в Омске.
Но однажды ударит по окнам весна —
И ударят тревожно по сердцу колёса...
И пронзит озаренье: Всё это — она,
Та, что села сегодня в Серебряном Плесе!..
В рваной сумке своей он отыщет билет —
Остановкой ближайшею надпись ударит.
Он уткнётся в подушку лицом, словно в бред...
Машинист усмехнётся И скорость прибавит.
Остановка. Перрон... Ах, какой гололёд!..
Снова тронется поезд, И он встрепенётся,
И рукою взмахнёт, но стоп-кран не сорвёт...
И другою взмахнёт... И сорвёт — И сорвётся!
Будет ночи без сна у окна проводить,
Будет ждать возвращенья к тому перегону,
Где окончилась вера, что можно прожить
Так же просто, как чай разнести по вагону.

УЛЫБКА

Голос доносился через дождь,
Голос доносился через стены:
Приходи на свадьбу...
Отпоёшь
Душу дорогой своей Елены!
Он смотрел в открытое окно
На листву, на стынувшие лужи...
- Господи, всё кончилось давно,
Для чего тебе ещё я нужен?!
Только всё же выгладил костюм,
К случаям торжественным пошитый,
И, неловкий, серый, как валун,
Подошёл к дверям полузабытым.
Он уселся между пьяных дам,
Выпил, не закусывая, Горькой.
Захотелось крикнуть: «Не отдам!..»
— Только вышло жалобное: «Горько...»
Горько! На Еленином лице,
Где всю свадьбу было очень тихо,
Вскрикнула улыбка и затихла,
Как подкидыш на чужом крыльце.

ЖУРАВЛЬ

Припомню вновь тот день перед зимою,
Остывшие в два счёта берега
И журавлей над северной рекою,
Что уходила в глубь материка.
Теряла листья рощица сырая,
Закишим чаем пахли озерца...
Я слушал, непогоду проклиная,
Как бьются журавлиные сердца.
Неслось навстречу снега мельтешенье.
Один журавль, вдруг съёжился и сник,
Казалось, что земное притяженье
Лишь на него влияет в этот миг.
Он опускался медленно и тихо,
Охваченный бессильем, как огнём.
Но верил я: Вернётся журавлиха,
Чтоб разделить несчастье с журавлём.
Но шаг зимы всё так же был размерен,
И ширь реки не делалась теплей...
Он был один.
А я-то был уверен,
Что так бывает только у людей.

